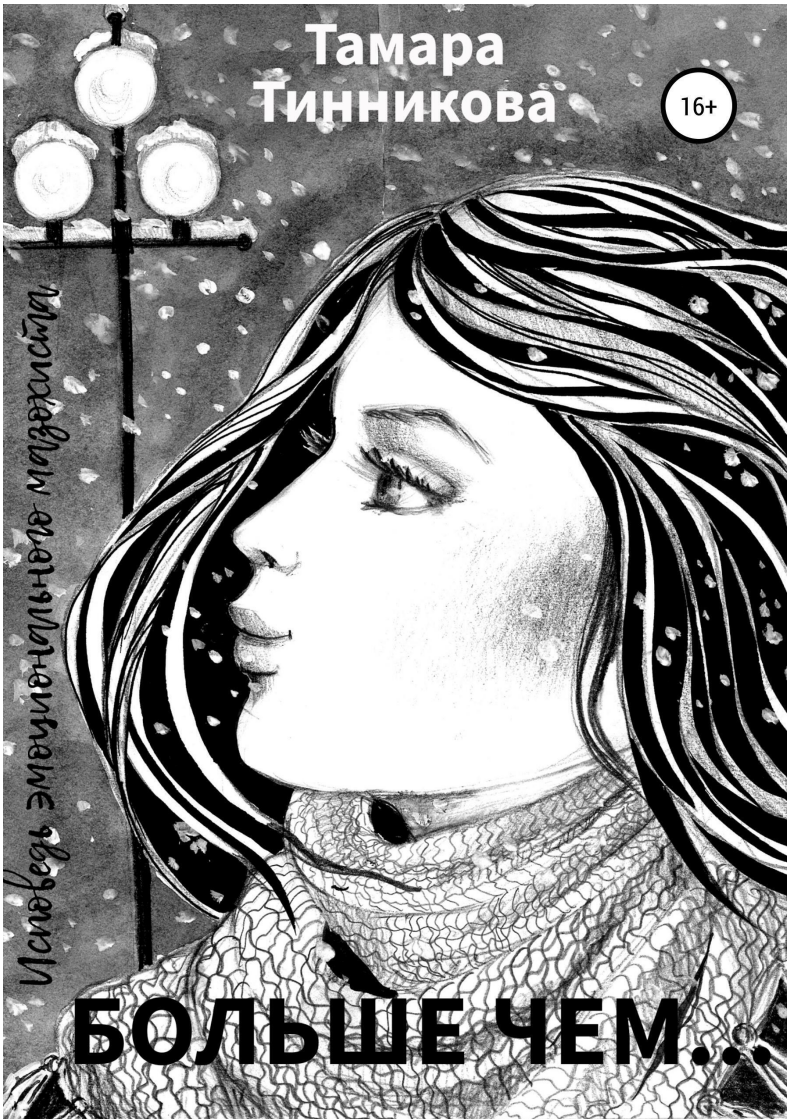

Тамара
Тинникова
16+
Исповедь эмоционального мазохиста
БОЛЬШЕ ЧЕМ...

Тамара Тинникова

Больше чем... Исповедь эмоционального мазохиста

https://litres.ru/74810944
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга основана на эмоциональности и глубине чувств, она затрагивает потайные струны души и открывает двери к пониманию человеческой сущности. Ее неподдельная искренность, образный язык и особая музыкальность не оставят равнодушным ни одного читателя и найдут отклик в каждом сердце. Гармонично соединяющая в себе прозу и стихи, исповедь позволит окунуться в глубокий внутренний мир героини и пройти вместе с ней духовный путь от падения и потери смысла жизни к возрождению души и осознанию себя кем-то бóльшим, чем просто телесная оболочка.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 39

Больше чем... Исповедь эмоционального мазохиста

От автора

«Больше чем…» – это исповедь юной мечтательной души, впервые столкнувшейся с суровой реальностью и разбившейся об ее острые камни, это путь становления духа через страдание и боль, через преодоление ложных представлений к осознанию себя.

Здесь нет имен, названий, определенных мест и стремительно развивающихся событий, все повествование сосредоточено на душевном состоянии лирического героя, на его внутренних ощущениях и переживаниях. Даже внешний мир, проявленный через особое чувственное мировосприятие, словно запечатлен в моменте проживания сильных эмоций. В нем переплелись иллюзорная действительность и реальность снов, стихи и проза, воспоминания и размышления, ощущение бессмысленности и духовные метания, обыденность будней и волшебство мечты.

В этой книге нет ни нотки фальши, ни слова лжи, лишь подлинные чувства, оголяющие душу до предела, лишь искренняя попытка разобраться в себе и понять истинные причины и побуждения, движущие человеком. «Исповедь» написана сердцем, поэтому и постичь ее можно только серд-

цем. Только читая сердцем, вдумчиво и неторопливо, медленно погружаясь в каждое слово, можно почувствовать вибрации, исходящие от стихов и строчек. Только отключив рациональный мозг, пытающийся во всем найти логику, доказательства и здравый смысл, можно ощутить мелодию, цветовую насыщенность и эмоциональную многомерность, которые откроют глубинный смысл за банальной любовной историей.

Всем, кто отважится заглянуть в душу этой живой одухотворенной книги, посвящаются эти строки:

Не пытайся меня понять, осознать, перечерпать мерой.

Ты почувствуй меня, как стать, как безмерную суть, как веру.

Не пытайся измерить даль, высоту разложить по полкам.

Ты почувствуй меня, как сталь, пронзающую плоть иголкой.

Не пытайся меня равнять с теми, кто по земле влачится.

Полнолунием глаз рыдать может только душа волчицы.

Положи мне на грудь ладонь, чувствуй каждым кончиком пальца,

Как в душе моей дикий огонь выжигает мелодию вальса.

Полной грудью меня вдохни, пей души неземную звучность.

Видишь, там, в облаках летит моя инфернальная сущность

Растворенностью неба стать, распахнуться в пространство дверцей.

Не пытайся меня понять, чувствуй каждой клеточкой сердца.

Исповедь эмоционального мазохиста

…Страх
Зверь

Ночной город времен инквизиции черно-синей громадой навалился на плечи и полностью завладел сознанием. Его средневековая мощь и тревожное молчание сковали движения тела, остановили поток мыслей, который, как покрытая льдом река, замер в холодном предчувствии. Со всех сторон подступают кирпичные башенки зданий и пики церквей. Они еле заметны на хмуром небе, словно размазаны жидкой акварелью по грязному холсту; как призраки, они мерещатся в полной темноте, размытыми контурами сливаясь с густым мраком. На базарной площади безжизненно раскинувшейся плоским телом среди многоруких изогнутых улиц, чернеет сажей и золой сгоревший костер, еще вчера державший в объятьях измученную пытками ведьму. Так тихо и безлюдно, кажется, что город не спит, а вымер каждым жителем этих

кварталов, каждой душой этого каменного тела.

Я стою на крыше какого-то дома, не в силах пошевелиться, прикованная жутким загробным оцепенением и пронизывающим подвальным холодом к красной черепице, цвет которой не вижу, но остро ощущаю босыми ногами. Она бесформенно крошится и безжизненно падает на узкую мостовую, мощенную серым разломанным камнем. Так падают мертвые птицы, крылья сложившие клином, так рвутся осенние листья, припавшие к бурой земле, так бешено сердце стучится у лани, настигнутой львиным безжалостным прайдом в кровавой трепещуще-мертвенной мгле.

Сверху нависло изодранное тусклыми звездами небо. Свисая черными лохмотьями своей потрепанной временем и дождями плащаницы, оно пытается раздавить этот пустой гулко-утробный город, горделиво взметнувшийся в первозданную высь. Уже исчезли во мраке готически-острые плечи фронтонов и ключицы стрельчатых арок, уже темнота сгустилась плотным кольцом вокруг крыши соседнего дома, где во мгле, в двух прыжках от моей плоти возвышаются бронзой литые, с медно-черным отливом, ворота.

Стою на краю, чувствуя, как все ближе и ближе, безжалостней и беспощадней приближается нечеловеческая сила, огромная, безудержная воля, рвущаяся наружу. Ее я чувствую на расстоянии, как дыхание разъяренного быка она касается кожи и холодит сердце, рвет на атомы боли и ужаса сведенный судорогой мозг, как северный ветер рвет в лох-

мотья мой серый балахон, сшитый из грубой мешковины. Не сдержать эту древнюю злобу разделяющим нас железным воротам, обнесенным гнилью и ржавчиной, не унять архаичную ярость, что оставила шрамы на кованых клеймах и в сомкнутом створе, и не вымолить верой прощенье – слишком близко чудовищный зверь – хозяин моих кошмаров.

Каждой клеткой сведенного тела, каждой фиброй дрожащей души ощущаю смертельный страх, черным скорпионом ползущий по коже, мое сознание кричит о приближающейся опасности, задыхаясь в безумной агонии, как жертва, пойманная свирепым охотником.

Начинает скрипеть сталь ворот. Удары литавр, скрежет железа, грудное рычание – диким ужасом отзываются в слабом, обескровленном сердце. Оно бешено бьется в предсмертных конвульсиях, не выдержав яростной схватки за жизнь с натиском абсолютного зла. Стальные преграды почти разрушены, там, за ними открылась другая жестокая вечность, она рвется наружу безмерной гордыней, щемящей тоской и могильным холодом. А из самых глубин поднимается жуткая непроглядная тьма, зловещий сгусток мрака, сверкающий пристальным блеском бездонных глаз готового к прыжку хищника.

Обреченность упала на шею вековым топором палача. Ничего не осталось на свете, ничего, кроме страха и ужаса: ни мертвого города, серо лежащего скелетами зданий и ребрами шпилей, обглоданных тьмою; ни визжащего ветра, поры-

вами злости рвущего кожу до самого мяса; ни грозного неба, зловеще раскрывшего сизую пасть, беззубо жующую дряхлую вечность, ни той, что стоит на краю, обреченно, с седой головою – все распалось на голый, ничем не прикрытый первобытный страх. Страх смерти.

Из немых, леденящих бездоньем, глубин, из разверзнутых недр – неземной исполин, кровьюстынущей мощью пылающий зверь, обрекающий взглядом на вечную смерть, необъятною волей без мер и границ заставляющий вспарывать вены и вниз безоглядно шагать из пустого окна. Его мрачная сущность до жути страшна: он не знает прощенья, не ведает свет, в его каменном сердце любви больше нет… а на гордой спине горьких шрамов крестцы – от когда-то светящихся крыльев рубцы.

Сотрясая рассвет силой жилистых лап, изрыгая из пасти неистовый храп, выдыхая хрипящей обугленной тьмой, он пришел за моею бессмертной душой. Беспощадный, багровый, карающий зверь раздирающим криком души моей дверь разломал, разорвал страхом сжатых артерий сердечный комок, обезумевший взгляд, жуткий рев и рывок…

Я стою на краю. Боль врастает в мой мозг. В двух шагах от меня – исполин в полный рост. Обреченность упала клинком палача, небо черной вуалью закрыла печаль. Истерически бьется в поджилках душа. Беспощадная злоба сознанье круша, скрипом рвущихся жил растлевает мой прах, рвет мой мыслящий дух обезумевший страх, мою вечную душу

стирает в НИЧТО, от меня ничего, Ничего, НИЧЕГО…

Открываю глаза. Ночь. Она крепко держит в объятьях бесконечных кошмаров, покрывая с головы до ног липким холодным потом. Сердце стучит у виска, снаружи, словно пытается разорвать височную вену и вернуться назад в плен грудной клетки, где спокойно, тихо и монотонно.

Пытаясь убедить себя, что это всего лишь сон, сажусь на кровать и в тревожной темноте начинаю смутно различать знакомые очертания маленькой комнатки общежития, находить подтверждения в привычных силуэтах компьютерного стола и книжного шкафа того, что я окончательно проснулась, и брошенная на полу книга не вырастет новым чудовищем.

Больше всего боюсь заблудиться во сне, когда с трудом поднявшись с постели, включив свет и начав заниматься обычными делами, вдруг обнаруживаешь, что ноги налились тяжестью, и каждый шаг дается с трудом, что мозг, словно под толщей соленой воды, замутнен и туго соображает, что предметы неестественно размыты и каждый звук, как невнятный отрывистый шум, доносится откуда-то слева издалека. Но, даже почувствовав, что все еще спишь, закованный властью тяжелой дремы, даже осознав, что потерялся где-то между зыбью и явью, застряв в безвременье и пустоте, все равно никак не можешь проснуться.

Обычно пощипываю себя за запястье или предплечье, в

надежде почувствовать легкое покалывание кожи и чтобы убедиться, что я здесь, в своем теле, а душа не плутает в лабиринтах загадочных снов и способна вырваться из крепких оков бессознательного. Но сейчас даже острая физическая боль, впившаяся ногтями в онемевшую ногу до синяков и кровоподтеков, не могла вырвать из жуткого оцепенения, стоящего за спиной живым воплощением ужаса, незыблемым и леденящим. И как бы я не вжималась в холодную стену, оно не исчезало, а, наоборот, ширилось и росло, словно питалось моим инстинктивным страхом.

Наблюдая, как в двустворчатое тусклое окно призрачным светом вливается белесая луна, растекаясь по полу длинными тенями, тревожной тишиной и щемящим одиночеством, стала постепенно приходить в себя. Вокруг все та же маленькая одиннадцатиметровая комната с белыми обоями на стенах и зелено-красным паласом на истертом, местами порванном линолеуме; все тот же компьютерный стол, стоящий в углу у окна, и одноместная панцирная кровать, скрипучая и продавленная под тяжестью бессчетных лет эксплуатации; все тот же старый массивный шкаф и деревянный книжный стеллаж, уставленный десятками потрепанных и видавших виды книг. Они стоят вплотную друг к другу, выпячивая цветные и белые торцы с потускневшими буквами, красуются разорванными и бережно заклеенными обложками, пряча в темноте форзацев свои исчерканные или нечитанные листы, и с нетерпением ждут, когда теплые заботливые руки

заберут их с тесной полки и раскроют на первой странице, разрешив снова благоухать пьянящей типографской краской смешанной с многолетней пылью.

Мое никчемное земное существование отчетливо проступало в контурах этой пустой и одинокой комнаты, уныло застывшей в однообразии и неприглядной серости.

Душа, обладающая незаурядными силами и способностью творить, созданная для великих свершений и выдающихся событий, требовала высоты и полета, но, заключенная в телесную оболочку ничем не примечательного человека, придавленная грудой страхов, комплексов и сомнений, была обречена на убогое существование, словно птица, запертая в крошечной клетке, не позволяющей расправить могучие крылья. Это болезненное противоречие мучило и жгло изнутри, гноилось и нарывало, заставляя изъедать себя бесконечными вопросами – для чего живу? В чем смысл моего существования?

Картина обыденной реальности до обиды банальна: лучшую треть жизни учиться точным и гуманитарным наукам, вторую – упорно работать, зарабатывая на еду и недолговечный антураж, последнюю – болеть, стареть и умирать. А все для чего: чтоб в погоне за славой, карьерой, деньгами загнать, как гнедую, нетленную душу, куда-то бежать или плыть ненатужно, безмерно просить, не имея терпенья, жевать и проглатывать без насыщенья. И, вот, когда станет темно и не важно, когда остановится стрелок теченье, ты вдруг

осознаешь, что прожил напрасно, впустую потратил бесценное время, чего-то не сделал, кого-то не встретил, и все, что достиг, несущественным хламом останется после тебя на планете. И боль сожаленья уже не оставит: жизнь кончилась – не изменить, не вернуть, не исправить.

Так и живу, плетусь в потоке человеческих масс к своей смерти, ступая тихой, неприметной и не оставляющей следа поступью. И каждый день, такой же, как вчера, безликий, безрадостный, бесцветный, стремительно проносящийся мимо переполненным трамваем. Года утекают сквозь пальцы, как вода, как сухой песок, оставляя тонкий бесполезный след, иллюзию следа, расплывчатый намек…[1] Чувствую незначимость своей жизни, дикую и болезненную бессмысленность своего существования – этого незаметного проживания в съемной квартире, не в своей квартире, не обжитой, не уютной и втридорога переплаченной своим временем.

Но пора вставать.

Пора вытаскивать себя из постели, отдирать ото сна и собираться в университет на лекцию и семинары. Как же я не люблю это время суток, когда приходится собирать все свое мужество, чтобы откинуть тяжелое одеяло и опустить затекшие ноги на холодный пол; когда леденящий утренний озноб с остервенением набрасывается на теплое тело и жадно впивается под кожу, покрывая ее колючими мурашками и по-

[1] См. «Стихи эмоционального мазохиста», ч. I, III, стих. 1 «Иллюзия».

калывающими судорогами, заставляющими непроизвольно вздрагивать от каждого шага. Ужаснее всего, что туалет и раковина в общежитии находятся на этаже, и для того, чтобы умыться и привести себя в порядок нужно выйти из холодной комнаты в еще более холодный коридор.

Этот длинный, по-настоящему «общажный» коридор, с облупившейся штукатуркой и облезлой синей краской, хорошо продуваемый сквозняками со всех сторон и утыканный через каждые полметра убогими комнатами, в которых жили студенты, семейный пары и одинокие работники ЖКО, всегда вызывал во мне содрогание и неприятную дрожь.

Каждое утро в этом промерзшем до железобетонных плит узком пространстве необходимо выстаивать приличную очередь в уборную, встречаясь лицом к лицу с недовольными и озлобленными соседями; каждое утро приходится смотреть на их помятые физиономии и слушать удрученные вздохи, раздражающие причитания и громкую ругань, доносящуюся отовсюду из закрытых дверей.

Стараясь не замечать эту невыносимую серость и убожество будней, как всегда погружаюсь в свои мысли или ищу спасение в фантазиях и грезах, сбегая в иную реальность, созданную уставшим от уродливой обыденности мозгом. Только в мечтах о живописных путешествиях и далеких странах, о волшебных свершениях и поразительных сюжетах прекрасного будущего, о радостных встречах с интересными людьми и безупречной сказочной любви я чувствую себя

счастливой и живой.

Мой придуманный мир наполнен глубоким смыслом и яркими красками, здесь бурлят чистые эмоции и истинные чувства, и каждый миг этой воображаемой жизни намного значимей и ценнее, чем все мои вместе взятые утра.

Действительность же моя похожа на туманный и размытый сон, на тяжелый беспробудный кошмар, чей монотонный круговорот засасывает все глубже в бесцветное и безэмоциональное болото повседневности. Душа сжимается в беспомощный комок, забиваясь в самый темный и пыльный, заросший вековой паутиной, угол моей сущности, и уже не пытается проснуться или вырваться из этой зыбучей обволакивающей рутины. Несмело мечтая о свободе и солнечном свете, она прячется где-то в сырых и кромешных подвалах хилого тела, которое, как заведенный робот, машинально ходит, бездумно говорит и натяжно смеется[2].

Не потому ли, мои сны намного ярче моей безнадежной реальности? Подобно мечтам, они полны жизни, впечатлений и переживаний, порой кажется, что можно дотронуться рукой и почувствовать плоть, уловить запахи, осязать материю видимого. Каждой четкой деталью, выверенной до мелочей, каждым мельчайшим шорохом, тонко касающимся слуха, каждой невероятной историей, пронизанной притягательной тайной и символичными знаками, они напоминают

---

[2] См. «Стихи эмоционального мазохиста», ч. I, III, стих. 2 «Всю жизнь душа скиталась по подвалам».

жизнь, которую я бы хотела прожить.

Меня неудержимо манят сны, эти красочные и неповторимые миры, такие странные и загадочные, такие ужасающие и страшные, но всегда живые и захватывающие, намного реальнее и осмысленнее моей настоящей жизни. Они оставляют в душе неизгладимый отпечаток, в отличие от прошедших дней, которые полностью стираются из памяти или остаются размытым пятном на ветхой одежде, висящей в затхлом чулане мозга.

Наконец, наскоро одевшись, отбросив беспорядочный ворох мыслей и, как всегда, не успев позавтракать, я вырвалась из четырехстенного плена на улицу. Там снова осень. Не та осень, которую так люблю за желто-красную, шелестящую под ногами и перешептывающуюся над головой, листву, за морозную свежесть и прохладу сухого воздуха, за высокое чистое небо и легкую, слегка давящую сердце грусть.

Тяжкая поздняя осень вступила в свои права. Свинцовое небо, неделями затянутое сплошной безрассветной пеленой, так низко нависло над городом, что тонкие плечи угрюмых прохожих натужно согнулись под тяжестью его влажных опирающихся ладоней. Безутешно рыдает дождь, смывая последние краски с голых, замерших в мольбе деревьев, что обнажили просящие, вздернутые к небу руки, мелко дрожащие скрюченными сучковатыми пальцами.

Улица застыла тонкой декорацией. Словно рисованная простым карандашом, она собрала все оттенки и штри-

хи унылого серого цвета: грифельный мокрый асфальт с бесформенными лужами, отражающими пепельно-грязное небо, бетонные коробки зданий, изборожденные венами бордюров тротуары и одинокие безликие прохожие, зябко кутающиеся в дымчатые шарфы и мышиного цвета куртки.

Я никогда не смотрю им в глаза, боясь в мутно-черном окошке зрачка разглядеть пустоту, боясь обнаружить, что там, за пределами радужной сетки темно и уже никого не осталось, словно хозяин ушел, оставив бездушным тоскующий дом с потускневшими карими стеклами, словно забылся безрадостным сном, выключив свет и задвинув наглухо шторы.

Я никогда не смотрю им в глаза, этим прохожим с померкнувшим взглядом, что мерят привычно ногами асфальт, несущим заботы, года и потери на изможденных сутулых плечах. Они равнодушны, бесчувственно слепы, они безучастны, безмолвно-бесцветны, в пустых оболочках, уткнувшись в тревоги, мусолят проблемы, не видя дороги, неважно, что солнце, что снег, что гроза… Я никогда не смотрю им в глаза.

– Привет! – передо мной стояла незнакомая девушка и улыбалась мне, как старому другу.

– Привет, – неуверенно ответила я, оглядываясь назад, в надежде увидеть того, кому она действительно улыбалась. Позади была только улица, напоминающая средневековую безликую гравюру. Судорожно в памяти я начала перебирать

всех знакомых и знакомых моих знакомых, тщетно пытаясь вспомнить, где мы виделись или могли познакомиться. Может быть, она обозналась?

– Как дела? Как учеба? – с неприкрытым интересом спросила она.

– Нормально, – определенно: героев Достоевского я помню отчетливей и ярче, даже штампованные физиономии избитых сериалов в памяти находят больший отклик, чем это миловидное лицо. Нет, это лицо я точно никогда не видела.

– Вы общаетесь с Верой, также ходишь в литературную студию? – вереница вопросов, которая явно доказывала, что она меня точно знает, загнала меня в угол. Я постоянно забываю имена, не помню дат и последовательность событий, но как я могла забыть человека?

Не в силах больше притворяться, я отмахнулась от нее стандартными ничего не значащими фразами и важными делами, так и не вспомнив, как ее зовут и кто она такая, и поспешила исчезнуть в глухих перекрестках улиц и домов, боясь выдать свою забывчивость. Как беспощадно мозг стирает из памяти события, лица, людей и с ними часть моей сущности, оставляя пустые пробелы, словно меня никогда и не существовало в этом коротком отрезке времени.

И вот, я бегу, спотыкаясь на каждом шагу, в этом тяжелом мире машин и манекенов, спешу поскорее прожить еще один бесцельный день, не чувствуя себя под тяжестью одеж-

ды, костей и тела[3]. Постоянно чего-то жду, не живу в полной мере, словно в предчувствии жизни; плутаю в мучительном сне, пытаясь проснуться, и каждый раз просыпаясь, понимаю, что все еще сплю. Но в глубине своей робкой души надеюсь найти ту великую цель, ради которой и пришла в этот мир, отыскать непротоптанный путь в чаще мирских потребностей и забот, чтоб не истлеть как трухлявый пень, не дав ни огня, ни света.

Хочется гореть, хочется отдавать себя жару своего предназначения, пить взахлеб каждый миг, каждой клеточкой чувствовать жизнь[4], а в итоге просыпаешься утром и понимаешь, что опять наступила осень, и за прошедший год было всего пару эмоциональных мгновений, когда удавалось вынырнуть из болота повседневности и вдохнуть полной грудью свежий воздух осознания, замерев от многогранности и величия этого удивительного мира, когда неизъяснимое беспричинное счастье и внутренняя гармония переполняли изнутри и выливались наружу полетом души и истинным вдохновением…

…И снова осень. И снова один бесконечный серый день.

---

[3] См. «Стихи эмоционального мазохиста», ч. I, I, стих. 3 «В буреломах усталой души».

[4] См. «Стихи эмоционального мазохиста», ч. II, III, стих. 2 «Рассыпаюсь, как хрупкое время в песочных часах».

…Обреченность
Акула

Ослепляющий яркий свет, настолько белый, что сил нет открыть глаза. Изнуренным мозгом кричу! Слеза рвется вниз с обожженных век на припухлость щек, словно в камеру пыток попавший зрачок, под прицелом ста тысяч прожекторов, обезумел от боли диодных оков. Не спастись, не укрыться, и мочи нет. Всюду голый, пронзающий райский, холодный свет.

Никого. Слепящим пространством затянута явь, как стена в психбольнице, как снежная гладь. Одиночество стиснуло нервную пасть, обреченность, тоска. Не упасть, не упасть! Ядовито-слепящий, похожий на бред, беспощадно-терзающий чистящий свет.

В неземной пустоте, в безвременье широт, в беспространстве глубин, в безграничье высот, там, где свет распростерся над толщей воды, ненадежно закованной в хрупкие льды, словно в тонкий прозрачно-хрустящий обман, я стою на стекле, под стеклом – океан.

Равнодушно тиха беспросветная стынь. Под ногами бездонная жуткая синь. Поедает глаза необъятная мощь, забирает рассудок холодная толщь. Манит в самую бездну опасная муть. Мне себя никогда из глубин не вернуть – крепко держит в тисках непроглядная власть, только сердце все тише стучит – не упасть.

Я прикована взглядом к лазоревой мгле, кто-то есть там, в безбрежной немой глубине, кто-то жуткий, до боли знакомый и злой, тот, кто темным пятном из пучины за мной поднимается медленно и не спеша, чтобы корчилась в каждом мгновенье душа, чтобы страх по спине дикой паникой полз, по артериям в сердце врывался и в мозг, чтобы в каждую клетку, как кровь, проникал, чтобы раем казался бушующий вал.

Скоро кончится этот непрожитый день. Все отчетливей вижу горбатую тень – под ногами огромный акулий плавник, беспощадный, бездушный, безудержный пик. Каждым импульсом чувствую скрежет стекла, словно вскрытая рана пульсирует страх, неизбежность свернулась на шее петлей. Из глубин грозный хищник несется за мной. В голый ужас расплавились жертвы зрачки… Все сильней и сильней под ногами толчки. Все больней и отчаянней разум кричит, и уже не стекло – мое сердце трещит.

Безысходность. Бессмысленность веры в добро. Слишком хрупкое нас разделяет стекло. Не спастись, даже тонкой соломинки нет. Обреченность. В конвульсиях бьется разодранный свет.

Свет, беспощадно проникающий в мозг через тонкую щель, прикрытую воспаленными ресницами, свет, метко бьющий в расширившийся зрачок, не успевший принять нормальное человеческое состояние, кричащий свет заста-

вил веки дрогнуть и выпустить из подкожного плена обжигающую слезу, которая покатилась к виску и за ухо, приводя в чувство. Что за ужасная привычка читать лежа перед сном, впадать в мучительную дремоту от невдумчиво прочитанных строк, монотонно ползущих от одной страницы к другой, и каждый раз просыпаться от раздирающего глаза и мозг ослепляющего света.

Виновница полуночных пробуждений лежит на полу вверх зеленой обложкой, выставляя напоказ потускневшие, истертые, когда-то золотые буквы: Шарлотта Бронте. Какая величественная и непостижимая любовь, превозмогающая непреодолимые препятствия и раздвигающая могучими руками бурю пошлых страстей и людских пороков. Раньше я верила в такую любовь. Теперь за плечами тяжелый роман, мучительный и низкобюджетный, безверие и сломанные крылья.

Жизнь преподносит верные хорошие уроки. Держать удар, превозмогая страх, и ставить блоки, лицом к лицу с судьбою на один на ринге стиснув зубы, нас учит мастер бытия, великий тренер грубый до хруста в мышцах, до потери пульса, до душевной боли, через огонь и пот, через тоску и кровь, и стертые мозоли. Приходит опыт не из книг, из знаний мудрецов или чужой словесно-умной дури, приходит – через боль, с рубцами на спине и шрамами на шкуре.

История моей любви началась в год совершеннолетия. Тогда за окном была весна. Весна. Холодная, свирепая и беспо-

щадная. Ее искаженная яростью физиономия нависала с тяжелого неба, изрыгала ругательства градом, рыдала дождем на опустевшие ревматические улочки, разрушая и без того размытые рельефы тротуаров. Она раздувала землистые щеки туч и завывала шквалистым ветром, била в стекла набухшими ветками и вонзала молнии острых зубов в кирпичное тело, словно голодный хищник, с наслаждением терзающий добычу.

Каждый день весна ненасытно рыскала в поисках жертвы, бродила по подворотням и кривым переулкам, глодала бетонные кости продрогших домов и, втягивая ноздрями воздух, искала живые, бьющиеся под одеждой сердца. Она почти насытилась и уже успокоилась, но вдруг, резко повернув голову и ощерив хищный оскал, замерла возле моего окна. Долго вглядываясь в темноту и следя за тонкой фигурой, замершей у занавески, она язвительно ухмыльнулась, словно зная, что я за ней наблюдаю, и с новой яростью накинулась на обезумевший от страха город.

Я любила мой город, промокший и обессилевший от бешеной схватки с неукротимой стихией, город, который, казалось, молил пощады иссохшими ручонками деревьев, и взглядом загнанного оленя мигал лампочками фонарей. Я любила мой город, поющий фонтанами и сверкающий блеском неоновых вывесок, который звонко смеялся голубиными скверами и тихо плакал, когда ему делали больно. Вечерами часто слышала его огромное сердце, бьющееся из-под

асфальта, и выходила на улицу в дождь без зонта, брела по знакомым улицам и куталась в пышные пряди волос, чувствуя, как холодные крупные капли стекают по коже и проникают в душу, такую же мокрую и уставшую как этот город.

Ах, каким был прекрасным мой бирюзовый город, он весело подмигивал желтыми глазами окошек и склонял добродушные головы фонарей в знак приветствия. Мы гуляли с ним вечерами, наслаждаясь своим одиночеством и не замечая тяжелых свинцовых туч, нависающих с металлически кислого неба, мы беспечно болтали о глупостях или серьезно молчали о главном, не видя жуткой ухмылки неумолимо надвигающейся грозы.

Он прятал мою хрупкую душу в теплых ладонях цветущих парков и нежно обнимающих берегов, скрывал от острых углов действительности в возвышенном мире, сотканном из призрачных нитей фантазий и шелковых ленточек розовых грез. Здесь струились фонтаны красивых иллюзий и распускались благоухающие лилии чарующих снов, здесь любовь разливалась красками солнца по холсту лазурного заката и небеса сверкали крупными алмазами звезд в червонно-черном бархате ночи. Этот мир был прекрасным, и он был создан только для меня. Он окутывал сознание сказочной дымкой, и я парила в его невесомости, не поднимая сомкнутых век и боясь взглянуть в холодные глаза беспристрастной жизни; спасалась в нем от нудных будней и равнодушно-жестоких людей; строила заоблачные баррикады,

чтобы не видеть предательства и злости, не замечать насмешек и обмана, и чтобы по-прежнему непреложно верить в чудеса.

Но действительность безапелляционна, непредсказуема и независима от чьих-то желаний. Без стука и приглашения она резко входит в жизнь и сурово расправляется с любыми мечтами, уничтожает высокие перисто-кучевые миры, созданные окрыленными выдумщиками и чудаковатыми сказочниками. У реальности много способов и средств напомнить о себе, мне же был выбран особый инструмент, сердечной болью разрушающий иллюзии.

Он был соседом в общежитии, жил в комнате напротив и учился на пятом курсе юридического факультета. От своих друзей, вернее сотоварищей по крепким напиткам и ежедневным посиделкам на лестничной клетке, он отличался высоким ростом, броской внешностью и громким голосом. Его четкий профиль, напоминающий поймавшего след койота, выдавал расчетливый разум, упорный характер и притягательную харизму. Привлекали в нем темные глаза, блестевшие тщеславным огнем и жадной страстью, такие глаза знают женщин, и умеют раздевать без рук, вызывая у наивных девочек неуверенность и неуклюжую робость. Его показное душевное одиночество, которое он прятал под маской веселых анекдотов, забавных случаев из жизни и заразительного смеха свело с ума и разбило сердце не одной дурочке с широко распахнутыми глазами. Каждая искренне верила,

что этот разочарованный странник, не упускающий на своем одиноком усталом пути ни одну юбку, найдет утешение и пристанище именно в ее преданности и любви.

Я же относилась к числу тех первокурсниц, которые одной ногой вступив на дорогу взрослой жизни, еще не вышли за порог детской комнаты. Как все девочки, чье воображение никем не занято, я торопилась и подгоняла время, томилась в ожидании великих чувств, спешила заполнить пустоту своего прекрасного, но иллюзорного мира кем-нибудь более или менее подходящим. Начитавшись книжек о любви и сказок о прекрасном принце, представляла себя героиней большого романа и неслась навстречу судьбе с чистым и открытым сердцем, расправив крылья, как паруса, подгоняемые заоблачными мечтами, нетерпеливыми надеждами и детским максимализмом.

И как неопытный моряк с треском налетела на подводные рифы действительности. Реальность настигла на общей обшарпанной кухне второго этажа, где я не столько пыталась быстро приготовить что-нибудь на ужин, сколько взахлеб, не пережевывая, старалась проглотить очередную книгу. Помешивая ложкой что-то пригоревшее в кастрюльке, с головой погружалась в дебри человеческой души, в хитросплетения страстей и пороков, почти касалась душой внутривенно объемной сущности внутристраничного героя в тугом переплете.

Неожиданно громкий стук плоских каблуков о старый по-

трескавшийся кафель больно вернул на землю. Я повернулась и подняла глаза. Это был он. Герой моего времени. Темноволосый, белолицый, целящийся в упор черными дулами глаз сквозь ребра, в самое сердце, готовый пристрелить тебя на шести шагах без предупреждения и секунданта. Раньше мы никогда не здоровались, не разговаривали, не встречались глазами и оба делали вид, что я не замечаю, как он провожает меня оценивающим взглядом.

– Что читаешь? Смотрю, ты постоянно готовишь с книжкой в руках, – он смотрел с нескрываемым любопытством, нескромно разглядывая, словно на лице у меня выросла рыжая борода.

– Классику, – я закрыла книгу, показывая лицевую сторону обложки, чтобы он мог прочитать название и автора. От волнения руки неловко дрожали, и сердце лихорадочно билось, пытаясь побороть подкашивающую бледную слабость.

– Никогда не любил подобную литературу, – хмыкнул безразлично.

– А я люблю. В ней столько жизненной мудрости и глубокого понимания человеческой души, и…

– Только читая книжки, ты никогда не узнаешь настоящую жизнь. А чтобы понять и полюбить человека, надо иногда общаться и с живыми людьми, – он многозначительно улыбнулся и насмешливо поднял бровь, – кстати, можешь со мной здороваться, я не кусаюсь.

– А почему ты сам никогда не здороваешься? – этот во-

прос чрезвычайно долго меня мучил, и, наконец, сорвался с пересохших губ.

– Не привык здороваться первым. Да и к тому же ты всегда такая неприступная и строгая. Ходишь мимо с надменно поднятой головой, гордо не замечая окружающих, – его так и подстегивало желание уязвить и проверить на прочность. Казалось, его забавляла моя растерянность, и веселило чувство собственного превосходства.

– Я совсем не такая, – произнесла с тихой обидой в голосе.

– Со стороны видней, – не прощаясь, он направился к выходу, довольный и самоуверенный, решивший также неожиданно закончить разговор, как и начать. – У тебя что-то пригорело, – совсем скрывшись из вида, небрежно крикнул из-за стены.

Я посмотрела в кастрюльку, там шипели прилипшие ко дну, разбухшие переваренные макароны, напоминающие скрученные рожки диких баранов. Да, такое можно есть, только взахлеб зачитывая книгой.

Казалось бы, ничего не значащий разговор, всего пару мимолетно сказанных фраз, но начинаешь думать и переживать, начинаешь прокручивать снова и снова невзначай брошенные слова, выискивая размытый междустрочный смысл и многозначительные намеки. Выдумываешь случайные встречи, планируешь всевозможные варианты развития отношений, заботливо примеряешь на него раздутые качества героев из книжек, украшаешь блестящими безделушка-

ми, яркими тряпочками и маминными бусами. И безнадежно влюбляешься в тобою же созданный миф, в красивую обложку муляжной книги, эффектно стоящую на полке в образцовой гостиной магазина мебели и интерьера.

Влюбляешься и наполняешь свой эфемерный мир воображаемым чувством, погружаешься в его пленительно-сапфировые воды, срастаешься душой с невидимыми гранями и растворяешься в мимолетной сладости, принимая рисованную буйной фантазией картинку за настоящую жизнь и подлинную реальность.

Я мечтала о любви, я хотела любви, я требовала любви! Неземной, всепоглощающей, безграничной. Я желала безумств и жаждала, чтобы любили меня, искреннюю и неподдельную, смешную и странную, мечтательную и немирскую, постоянно сбегающую в иллюзии от зачерствевшего бестрепетного мира. Я отчаянно хотела быть любимой, хотела, чтобы другой человек, а именно этот циничный реалист и прагматик, своей любовью заполнил пустоту в моем сердце, наполнил светом смысла темноту моего сознания и заглушил эту жажду, не понимая одного, что из пустого сосуда невозможно напиться.

Мы стали общаться чаще – короткими фразами на общественной кухне, мимолетными встречами у подъезда и содержательными диалогами в моем воображении. Сталкиваясь в длинном коридоре, до половины выкрашенном синей краской, мы мило здоровались: я загадочно улыбалась, пы-

таясь справиться с душевным волнением, а он подмигивал, отпускал комплименты моей внешности или мимоходом шутил. Случайно встречаясь во дворе дома или на площадке у круглосуточного магазина, где по вечерам собирается праздношатающаяся молодежь, мы обменивались словесными рукопожатиями, ничего не значащими репликами, долгими взглядами и расходились каждый к своей компании – он к шумным друзьям, я – к ждущей в кафе подруге.

Я верила в нашу зарождающуюся любовь, принимая красивые слова за искренность общения, пустые разговоры за крепкую дружбу, а редкие встречи за глубокую привязанность. Наивно верила в наши сплетающиеся ветвями и корнями отношения и упрямо не желала обращать внимания на крадущуюся в сердце тревогу, скребущую липкими когтистыми лапками, что оставляли внутри гнойные зудящие царапины.

Сидя в своей комнате одинокими вечерами и пытаясь сосредоточиться на лингвистических науках, чутко прислушивалась к тишине пустого коридора и долгому молчанию стен, в ожидании, когда его громкие шаги нарушат безмолвное спокойствие скрипучих половиц, звучащих в такт моему учащенному пульсу. Я научилась узнавать его поступь среди множества пружинистых, шаркающих, загребающих правой ногой и суетливо семенящих походок. Она, как нота «до» в контроктаве, как низкий грузный звук в мелодии шагов, тяжелая и неизбежная, измеряющая прочность пола, словно

бьющая молотом о наковальню.

Он приходил поздно и часто приходил не один. От колкого цокота высоких каблуков душа в напряжении замирала, боясь вздохнуть, боясь пошевелиться, боясь выдать свое присутствие бешеным стуком сердца, которое слетало с петель от вибрации громкого голоса, ломающего тонкие стены грудной клетки. В эти бессонные ночи она тосковала и выла на луну, изъедала себя ревностью и доводила до самоистязания. Но чем чаще он приводил к себе женщин, тем сильнее разгорались чувства, тем отчаяннее сжигал меня неуправляемый пожар, раздуваемый северным ветром. Я болела им, как проказой, и была зависима от своих разъедающих душу эмоций.

Мы не столько любим, сколько любим страдать от любви. Мы подсознательно требуем боли, которая, как электрический разряд дефибриллятора заставит сердце биться, пульсировать, каждой молекулой осознавать, что оно есть, где-то здесь, между сплетенными канатами мышц и скрученными проводами артерий, под костной решеткой ребер и слоем красивой модной одежды.

Пока сердце бьется спокойно и ровно, пока не тревожит и не кровоточит, мы не слышим его, не ценим, и придаем значения не больше, чем здоровому пальцу или ноге, но как только боль, ревность, безудержная страсть вонзят зубы в мягкую плоть, пытаясь оторвать кусок и обескровить, эта мышца размером с кулак становится смыслом жизни и

заполняет все пространство нашего существования. Мы не чувствуем сердце, пока оно не заболит, не испытываем любовь, пока она не нанесет нам смертельную рану, и сознательно выбираем тех, кто сделает больно, кто доведет до исступления и даст нам то, чего мы так отчаянно хотим – страдать от любви.

Поздними вечерами, когда любопытные соседи ложились спать, я выходила на общую кухню в очередной раз что-нибудь переварить или пережарить, в надежде, что он тоже не спит и выйдет со мной поговорить. Иногда он приходил, и мы стояли, прижавшись к подоконнику, и рассуждали о чем-то важном и бессмысленном одновременно.

Эти разговоры ни о чем, которые невозможно пересказать или вспомнить на следующий день, стали важной частью моей жизни. Весь день я с нетерпением ждала вечера, вспоминая наши окутанные розовой дымкой встречи, продумывала каждую реплику возможных диалогов, щекочущих тонкими перышками флирта кожу внизу живота, представляла романтические позы, намеки, движенья и уже не могла различить еле заметную грань, отделяющую воспоминания от вымысла.

В один из таких вечеров, когда луна таращила в окно пронзительно-огромный желтый глаз, с любопытством разглядывая, как я, склонившись над книгой в нетерпеливом ожидании, блуждала невидящим взглядом по одним и тем же не проникающим в сердце строчкам, он медленно зашел

на кухню и лениво зевнул:

– Привет, любительница поздно покушать. Опять не спишь?

– Давно тебя не видела. Где ты пропадал все выходные? – хотела сказать, что так долго ждала встречи, что соскучилась и безумно рада его видеть, но только скованно улыбнулась, боясь выдать настоящие чувства. Истосковавшееся сердце забилось быстрее, стараясь запомнить оттенки короткого мгновения встречи и высечь в памяти каждую черточку его лица, каждый полутон его голоса.

– По выходным я ночую у подруги.

По телу прошла ледяная дрожь, словно в тонкую кожу впились сотни острых иголок, разрываясь внутри на мелкие осколки.

– У тебя есть девушка? – каждое слово давалось с трудом, застревая в пересохшем горле.

– Тебя это удивляет? – он сощурил правый глаз и лукаво улыбнулся.

– Нет. Просто не видела ее никогда…

– Ты за своими книжками вообще ничего не замечаешь, – несмотря на кажущееся добродушие, его улыбка напоминала хищный оскал и вызывала неприятный озноб, покрывающий острыми мурашками холодные плечи.

Что я знала об этом незнакомом человеке у окна, так уверенно спрятавшем руки в карманах штанов? Всегда погруженная в поэзию чувств, в житейской прозе постоянно ищу-

щая лирику, я не различала за образом, созданным легкокрылым воображением, настоящего человека, и видела только то, что нарисовало на палитре фантазий мое сердце. Кто он, чем живет, кого любит этот реальный человек из плоти и крови? Знала ли его по-настоящему? Его ли любила?

За окном была ночь. Желтый свет фонарей, расплывающийся длинными мерцающими лучами, отражался тусклыми размытыми пятнами на мокром асфальте. Сквозь грязное стекло, оправленное в деревянную облупившуюся голубой краской раму, свет искажался, застревая в серых размазанных каплях, блек и не смело проникал в дрожащий зрачок. Небо было покрыто сизыми разорванными тучами, недавно освободившимися от тяжелого бремени дождя. Несмотря на эти мрачные лохмотья, небу дышалось легко. Его свежее холодное дыхание проникало под кожу, остужало сердце и затягивало разум в необозримые высóты черной бесконечности.

Я уже не слышала, что говорит собеседник. Его слова, словно звуки фальшивой музыки, доносились издалека и, не касаясь замечтавшегося сердца, обрывками тихой мелодии замирали в ночной тишине, несозвучные и безответные.

– Ты согласна? – неожиданно резкая интонация вернула на грязную кухню, где на стене, выложенной голубой плиткой и поросшей зеленым грибком, висели в ряд три пожелтевших отбитых эмалированных раковины, где с потолка свисала пыльная паутина, под которой одиноко стояли две

покрытые сальным нагаром плиты и расшатанный стол, застеленный выцветшим куском цветной клеенки.

– Да… конечно…

– Ты сегодня какая-то странная, влюбилась в кого-то? – он пристально смотрел в глаза, рисуя алой краской пульсирующие пятна на щеках.

– Нет, – опустила ресницы, не в силах выдержать долгий, пронзительный взгляд, – просто задумалась.

– О чем? – спросил так, словно сомневался, что девушки вообще могут о чем-то думать, кроме маникюра и нарядов.

Наверное, если честно признаться, какой запутанный клубок мыслей, сплетенный из бесконечных вопросов о смысле жизни и предначертанности бытия, рассуждений о духовности и лицемерии мира, неисчерпаемых размышлений о любви, образов, идей, домыслов, ежеминутно крутится в моей голове, он, наверное, покрутил бы пальцем у виска и больше никогда со мной не общался. Поэтому, в очередной раз, прикинувшись дурочкой, растеряно произнесла:

– Да, так, ни о чем. Расскажи лучше о своей девушке.

Нет, я совершенно не хотела говорить о ней и тем более не хотела знать, любит он ее или нет, но когда загоняют в угол неуместными вопросами, когда стараешься спрятать настоящие чувства и унять дрожь в коленках, когда пытаешься подавить волнение и взвешиваешь каждое слово, чтобы не выглядеть глупо или смешно, то сначала испуганно молчишь, изредка изъясняясь односложными фразами, а потом

начинаешь нести несусветную чушь, и выглядишь так, как боишься больше всего.

Он посмотрел удивленно, и в глубине карих глаз блеснул обжигающий и проникающий сквозь радужную сетку темный огонек.

– Что ты хочешь, чтобы я рассказал? Мы вместе два года. Она мне подходит. С ней просто и спокойно.

Ожидала чего угодно – восхищение, радость, заботу, только не эту немногословность и показное равнодушие. Я, конечно, не серенад ждала в ее адрес, но даже к своей кошке испытываю больше нежности и тепла, и подберу эпитетов весóмей и ярче к ее пушистой и мягкой шкурке, чем он – эмоций к своей девушке. Что это? Нежелание открываться перед другим человеком или подлинное безразличие усталой души?

Под кожей у виска учащенно стучала назойливая мысль, что он ее не любит, не замирает от воспоминания о ней, и, возможно, даже не уважает. Не может быть любви по расписанию, не может чья-то мягкость и удобность заменить огонь пылающего сердца. Любовь не может тлеть, она горит, даря тепло и свет, она сжигает изнутри и обжигает тех, кто к ней подходит слишком близко.

– Ты ее любишь?

– Любовь для тех, кто еще не вырос, – его серьезное выражение лица сменилось игривым блеском в глазах и приподнятым вверх левым уголком губ, – к тому же, на одних чув-

ствах крепкие отношения не построишь.

– Ты никогда не любил?

– Что в твоем понимании – любовь? Глупая романтика при луне? Неистовый пожар, половодье чувств или, как это… «томленья грусти безнадежной»? В жизни не бывает любви, о которой пишут в твоих любимых книжках. Это все вздор и обман. Настоящая любовь – это когда тебе комфортно, – он подмигнул и весело стал рассказывать примитивный и пошлый анекдот.

В его словах сквозило какое-то болезненное презрение, которое непроизвольно вырывалось наружу неоднородными сгустками, как перекисший кефир из надорванного вздувшегося пакета. Внешне он был весел и беззаботен, но внутри, под блестящей оберткой шутливых фраз и затертых словечек множилось и росло накипавшее раздражение.

Мы говорили еще долго: об отношениях и верности, о дружбе и привязанности, о ценностях и предрассудках, но не покидало ощущение, что циничные убеждения – не больше чем позерство, скрывающее ранимую душу, умеющую предано любить.

Так проходили недели и месяцы нашего никуда не ведущего и ни к чему не обязывающего общения, я крепко прилипла, как мотылек к паутине, к «кухонным» разговорам, к полуночным встречам и коротким перепискам по телефону. И, несмотря на то, что их было не так много, как хотелось, я, как безнадежный романтик и влюбленный лирик, придава-

ла слишком большое значение этим немногословным беседам. Каждое его невзначай обро́ненное слово заботливо подбирала и бережно хранила в тоскующем холщовом сердце, а вечерами перед сном тщательно разглядывала и взвешивала, пытаясь найти в пустозвонных стекляшках глубокую грань междустрочного смысла и радужный блеск настоящих бриллиантов. Ловила каждую нотку его голоса, стараясь найти под жухлым ворохом внешних проявлений робко пробивающуюся вечнозеленую любовь. Ждала, что наступит день и три заветных слова прорастут на каменистой почве, как первые ростки высоких и могучих деревьев. Но он был спокоен, непоколебим, и упорно молчал о главном.

Сколько раз, глядя в песочные дюны его карей пустыни, слепо успокаивала себя и оправдывала его равнодушие прирожденной робостью, а бездействие – отсутствием подходящего момента. Сколько раз, глядя на бесплодную землю, находила тысячи причин и столько же отговорок, объясняющих, почему еще не пришло наше время, боясь допустить мимолетную мысль, что на иссохшем поле невозможно взрастить любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.